

ЭТО НЕУЛОВИМОЕ ПОНЯТИЕ ПРОФЕССИИ

© 2018 г. С. Л. Ленъков*, Н. Е. Рубцова**

** Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии
образования; г. Москва
E-mail: new_psy@mail.ru*

*** Доктор психологических наук, доцент, главный специалист, Управление
координации научных исследований Российской академии образования; г.
Москва
E-mail: hope432810@yandex.ru*

В статье представлен анализ понятия профессии как категории обыденного сознания (зафиксированной в естественном языке), научного познания и социально-экономической практики. Обсуждаются существующие противоречия и разрывы в понимании профессии. Выполнен методологический анализ понятия профессии с помощью выяснения его соотношения с родственными понятиями (занятие, специальность, должность и др.), итогом которого стало уточнение определения профессии и ее ключевых признаков. Выявлен ряд объективных тенденций изменения подходов к пониманию профессии в современных условиях. Намечены перспективы дальнейшего целесообразного научного переосмысления понятия профессии.

Ключевые слова: профессия, обыденное сознание, естественный язык, научное познание, социально-экономическая практика, профессиональная деятельность, занятие, специальность, должность, квалификация, трудовой пост.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие профессии относится к парадоксальным: с одной стороны, все знают, что такое профессия, а с другой, как выясняется, этого не знает никто (с учетом библейского «знание умножает скорбь» или сократовского

«я знаю, что ничего не знаю»). Такое утверждение может показаться слишком категоричным и даже провокационным – особенно с учетом того пристального внимания, которое уделялось исследованию феномена профессии во всей истории науки и культуры. Например, на протяжении последнего столетия профессия как феномен и как научное понятие интенсивно изучалась в рамках многих научных дисциплин, в первую очередь, экономики, социологии и психологии (В.А. Бодров, Е.А. Климов, А.К. Маркова, G. Millerson, T. Parsons и др.) (см.: Климов 1996; Носкова, 2007; Толочек, 2017), в том числе уже в XXI веке (А.И. Донцов, С.А. Дружилов, Э.Ф. Зеер, F. Cownie, R. Picciotto и др.) (Ангеловский, 2010; Бакштановский, 2005; Волошина и др., 2016; Донцов и др., 2011; Дружилов, 2004; Лукша, 2003; Оганова, 2014; Рубцова, Леньков, 2015; Толочек, 2015; Cownie et al., 2013; Picciotto, 2011; Sommerlad et al., 2015; и др.). Однако многие авторы, обобщая результаты разнородных исследований проблемы профессии (т.е. фиксируя, по сути, достигнутый уровень ее научного понимания), с обескураживающей регулярностью приходят к аналогичным, «категоричным» и «провокационным» выводам о «неуловимости» понятия профессии, состоящей в отсутствии его четкого определения и удовлетворительной дифференциации с родственными понятиями: например, R.D. Leigh (1950) (цит. по: Roddenberry, 1953, p. 110), Н. Becker (1970) (цит. по: Бакштановский, Согомонов, 2005, с. 46), R.C.O. Matthews (1991) (Matthews, 1991, p. 737), Т.Б. Щепанская (Щепанская, 2010, с. 7).

Кроме того, в современных условиях на традиционную проблему понимания (или, точнее, непонимания) профессии накладываются новые, дополнительные сложности, обусловленные стремительными и глубокими изменениями в сфере труда (см.: Леньков, Рубцова, 2017). Все это делает остро востребованной научную дискуссию по поводу переосмысления (или, в нашей интерпретации, «наконец-то-осмысления») понятия профессии, организованную на страницах данного журнала, которую открыли

Н.С. Пряжников (Пряжников, 2018) и В.А. Толочек (Толочек, 2018). Многие их позиции по рассматриваемой проблеме соответствуют нашим, но не все, что лишь подтверждает актуальность предложенной дискуссии. Вместе с тем, наше исследование направлено не столько на научную полемику, сколько на некоторые новые ракурсы рассмотрения проблемы профессии, которые, как мы надеемся, окажутся полезными для продвижения в ее решении.

Центральная *идея* исследования состоит в том, что понятие профессии является не только фундаментальной, но и, в определенном смысле, универсальной категорией в силу той высоко значимой роли, которую она выполняет, в частности, в трех генерализованных сферах жизнедеятельности человека и общества: обыденном сознании, научном познании и социально-экономической практике. При этом понимания профессии в данных областях с объективной необходимостью должны быть согласованы между собой.

В соответствии с этим, *цель* исследования заключалась в поиске путей конструктивного решения проблемы профессии, связанных с прояснением ситуации с пониманием профессии в обозначенных сферах, а также со взаимной, «межсферной» согласованностью подобных пониманий.

1. «РАЗРЫВЫ» В СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ ПРОФЕССИИ

Традиционно отмечают такие противоречия, как отсутствие общего определения профессии или единого подхода к ее пониманию. Подобные факты, безусловно, имеют место, но отражают скорее типичную ситуацию нормального развития научного познания, которая встречается в отношении практически любого крупного, категориального научного понятия. В связи с этим в отношении профессии будем вести речь не столько о нюансах методологических парадигм, стремящихся к наиболее точному и глубокому описанию, сколько о расхождениях качественных,

«грубых», робастных, состоящих в сильной, принципиальной вариативности реальных, бытийных, фиксируемых границ данного феномена, когда некоторый фрагмент действительности одними авторами признается профессией, а другими нет.

Для выявления подобных сильных противоречий (разрывов) нам понадобятся три ракурса понимания профессии, представленные, соответственно, в научном познании, социально-экономической практике и естественном языке (а также тесно связанном с ним обыденном сознании).

Казалось бы, в научном исследовании достаточно только научного ракурса. Однако наука как специфическая форма человеческого познания подчиняется ряду принципов, призванных обеспечить получение объективного знания, но в то же время достаточно ограничительных для самого познания. В этом смысле понятие профессии оказывается значительно более широким и универсальным, чем некий рафинированный, идеализированный теоретический конструкт, выработанный внутри науки: оно упрямо «вылезает» за пределы научного познания, в две другие ключевые сферы своей «жизнедеятельности» – социальную практику и обыденное сознание.

Социальная практика выражает специфически человеческий и при этом коллективный, упорядоченный и организованный опыт социума по познанию и преобразованию действительности. В этом смысле такой опыт является объективным и может использоваться в качестве, по крайней мере, одной из граней фактологической основы нашего исследования. При этом профессия является категорией, в первую очередь, социально-экономической (а лишь затем, например, психологической) и в этом своем главном, системообразующем качестве проявляется именно в социальной практике.

Естественный язык отражает, в первую очередь, историческое состояние общественного (или так называемого обыденного, житейского,

повседневного, массового) сознания, но на самом деле – не только его, а также, в определенной степени, и науки, и социальной практики. При этом обыденное сознание, несмотря на несколько пренебрежительный оттенок своего названия, является основой жизнедеятельности каждого человека и общества в целом. Это, по сути, и есть человеческое сознание в целом, регулирующее текущую, каждодневную и ежеминутную жизнь каждого человека, в том числе, и ученого (исследователя). В современную эпоху массового манипулирования общественным и индивидуальным сознанием обыденное сознание, несмотря на всю свою подверженность подобным манипуляциям, в общем случае все же выполняет роль определенного защитного барьера от них (пресловутые «здравый смысл и жизненный опыт»). Благодаря этому в некоторых ситуациях обыденное сознание «ставит на место», возвращает с утопических «небес» на «грешную землю» познание научное, порой слишком заигрывающееся с виртуальными мирами своих абстрагированных теоретических объектов и, вольно или невольно, выдающее желаемое за действительное. Данное свойство обыденного сознания особенно важно в настоящее время, когда набрала силу «современная научная софистика» (Ясперс, 1991, с. 318-321), готовая «научно» обосновать что угодно в интересах, далеких от поиска объективной истины. Как отмечал К. Ясперс, «в испорченном пропагандистской софистикой языке в конце концов вообще перестает быть понятным значение слов» (Ясперс, 1991, с. 148). Похожая ситуация сложилась в настоящее время со значениями слова «профессия». При этом, как будет показано ниже, она обусловлена, в том числе, разрывами между пониманиями профессии в обыденном сознании и научном познании.

Таким образом, ключевые сферы «жизнедеятельности» понятия профессии являются глубоко взаимосвязанными. В силу этого в отношении понимания профессии здесь работает своеобразный закон «сообщающихся сосудов», обуславливающий два типа рассматриваемых разрывов:

1) если такого понимания не зафиксировано в одной сфере, она использует понимание из другой, однако такое замещение может оказаться недостаточным – например, в случае противоречивости понимания внутри самой замещающей сферы или различий в требованиях к точности понимания между замещающей и замещаемой сферами;

2) не может быть несогласованного, принципиально разного понимания профессии в различных сферах, поскольку это приводит к нарушению целостности, «удвоению» самого феномена профессии.

В понимании профессии можно констатировать наличие разрывов каждого из отмеченных типов. Приведем соответствующие примеры.

РАЗРЫВ ПЕРВОГО ТИПА – «ИЛЛЮЗИЯ ОБЩЕИЗВЕСТНОСТИ»

Данный разрыв наблюдается в сфере социальной практики. По своему происхождению профессия является, в первую очередь, категорией социально-экономической. Соответственно, роль «первой скрипки» в ее определении должны играть экономисты (а не философы, социологи, психологи, педагоги и т.д.), воплощая свои достижения, в том числе, в официальных документах, регулирующих функционирование реальной сферы труда и дающих тем самым необходимые методологические ориентиры для представителей других наук. Однако, с другой стороны, насколько нам удалось выяснить, ни в одном современном нормативном или директивном документе, принятом на высшем законодательном уровне или на уровне правительства, не дается ни четкого определения понятия «профессия», ни его соотношения с такими родственными понятиями, как специальность, должность, занятие и др. Это подтверждают результаты независимого анализа других авторов (например, Волошина и др., 2016).

При этом, несмотря на отсутствие нормативного определения, понятие профессии широко используется во многих официальных документах

высокого уровня (Общероссийский классификатор..., 2017; Постановление Правительства РФ..., 2007; Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 и мн. др.). Например, уже в Конституции РФ читаем: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» (Конституция Российской Федерации, ст. 37).

Таким образом, сфера социальной практики рассматривает понятие профессии как самоочевидное, «само собой разумеющееся», а значит, по сути, использует замещающее понимание профессии, причем заимствованное именно из сферы обыденного сознания, а не научного познания (ибо в последнем случае не составило бы труда явно указать используемое определение профессии). Но проблема здесь состоит в том, что никакого общепринятого понимания профессии внутри самой сферы обыденного сознания (и естественного языка) не существует (как, впрочем, и в сфере научного познания, где противоречий еще больше). Как тут не вспомнить бессмертное андерсеновское: «А король-то голый!».

Приведем лишь два факта, подтверждающих противоречивость понимания профессии в естественном языке:

1) в одних источниках используется узкое понимание профессии (как специального занятия, вида деятельности и т.п.) (например, Фасмер, 1986, 1987), в других – широкое (как рода занятий, широкой сферы деятельности и т.п.) (например, Епишкин, 2010; Семенов, 2003);

2) в отношении выбора базового, порождающего для понятия профессии в одних источниках используется понятие «занятие» (например, Фасмер, 1986-1987), в других – «деятельность» (например, Ушаков, 1935-1940) или и «занятие», и «деятельность» (например, Семенов, 2003), в третьих – «специальность» (см.: Скворцов, 2009, с. 684).

Кроме того, указанного замещения оказывается недостаточно и в силу очевидных различий в требованиях к точности понимания профессии

между замещающей (обыденное сознание и естественный язык) и замещаемой (социальная практика, в том числе и в первую очередь – ее нормативная социально-экономическая регулирующая часть) сферами. Так, в естественном языке понятие профессии распространяется, в том числе, на виды занятий, нелегитимные, сомнительные, асоциальные и даже криминальные: например, такие как «бильярдист», «карточный шулер», «городской нищий», «проституция», «вор», «убийца» и др. (см.: Большой толково-фразеологический словарь Михельсона; Епишкин, 2010; Скворцов, 2009, с. 684). Ясно, что в нормативных документах такого вольного обращения с понятием профессии позволить нельзя. Хотя, с другой стороны, одной из современных тенденций является постепенный дрейф сферы профессионального труда в сторону асоциальности. Хотя не получили легитимного статуса такие виды жизненных занятий, находящиеся на слуху в современной обыденной речи, как «бандит», «брачный аферист», «светская львица» и др., но зато подобный статус приобрели такие (немыслимые прежде в качестве легитимных) занятия, как букмекер (см.: Общероссийский классификатор, 2017, код 20334), а последний чемпионат мира по футболу выявил, что букмекерские конторы в России, оказывается, существуют десятилетиями и могут выступать в качестве официальных спонсоров национальной сборной. И это – «еще не вечер». Например, такие профессии, как «гадалка», «ясновидящая», «астролог» в нашей стране пока не признаны (хотя и стали чуть ли не массовыми), но вот в «Международной стандартной классификации занятий (ISCO-08)» (далее МСКЗ) им отведена малая группа 5161 «Астрологи, гадалки и работники родственных занятий» (International Standard..., 2008). Что касается профессии «проституция», в МСКЗ ее представители скромно именуются «работниками, оказывающими сексуальные услуги на коммерческой основе» и относятся к малой группе 5169 «Работники, оказывающие индивидуальные услуги и не входящие в

другие группы» с примечанием, что при необходимости в национальных версиях МСКЗ рекомендуется использовать для них отдельную начальную группу с кодом 5168 (Там же). В отечественном же «Общероссийском классификаторе занятий» (далее ОКЗ), который «гармонизирован с Международной стандартной классификацией занятий 2008 (МСКЗ-08)» (Общероссийский классификатор..., «Введение»), малые группы 5161 и 5168 пока пропущены (там же), но надолго ли? При следующей «гармонизации» их вполне могут добавить, и это, как ни странно, будет правильным: ведь в реальности подобные виды занятий давно существуют.

Как бы ни развивались события далее, на текущий момент времени точность понимания профессии в обыденном сознании не соответствует точности, требуемой в сфере социальной практики.

Еще одну грань данного разрыва характеризует тот факт, что для современной сферы профессионального труда характерна значительная доля «теневой экономики» (см., например: Дружилов, 2015), причем, не только в нашей стране, но и во многих странах «развитого капитализма». Представленные в этой части экономики профессии, даже формально «одноименные» легитимным, вполне могут иметь значительные отличия от последних (по зарплате, условиям труда, его содержанию и т.д.), но достоверно выяснить это весьма непросто (на то она и «теневая»). С другой стороны, нет достаточных оснований и для того, чтобы утверждать обратное: что «теневые» профессии вполне идентичны своим «одноименным» легитимным аналогам. В итоге современная тенденция расширения «теневого» труда отнюдь не способствует более четкому пониманию профессии в сфере социальной практики.

Таким образом, по указанным причинам рассматриваемое замещение понимания профессии в сфере социальной практики оказывается недостаточным. Это, в свою очередь, приводит к целому «букету» уже внутрисферных противоречий в понимании профессии. В частности, в

современных нормативных и директивных документах понятие профессии достаточно произвольным образом, во-первых, присваивается тому или иному виду труда, во-вторых, сочетается с другими, родственными понятиями. Например, из постановления Правительства РФ о перечне профессий и должностей творческих работников можно узнать, что «художник по костюму» – это профессия, а вот «художник-модельер» или просто «художник» – всего лишь должность (см.: Постановление Правительства, 2007).

Другой пример. «Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94» (далее ОКПДТР) использует понятие профессии применительно исключительно к рабочим, но не к служащим, для которых используется понятие должности. Поскольку никакого аналогичного классификатора профессий для служащих в настоящее время не существует, а существуют лишь классификаторы должностей, (Единый квалификационный справочник, 2018), получается, что, вроде бы, у служащих и нет никаких профессий – только должности, но при этом современные отечественные законодатели часто противоречат сами себе. Так, например, из Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» можно узнать, что в случае отставки судьи Конституционного Суда РФ «в стаж работы, дающий право на получение ежемесячного пожизненного содержания, засчитывается время предшествующей работы **по юридической профессии** (выделено нами – С.Л., Н.Р.) (Федеральный конституционный закон, ст. 19). Значит, все же «есть такая профессия», а не просто должность?

В то же время, например, врач, согласно ОКПДТР, это не профессия, а должность (код 20448), существующая наряду с широким спектром других подобных «должностей», уточняющих либо действительно должность (например, «главный врач», код 20668, или «врач-стажер», код 20478), либо

квалификацию (например, «врач-специалист», код 20463), либо специальность (например, «зубной врач», код 22343), а иногда, заодно, еще и место работы (сферу, обсуживаемый контингент населения) – например, «врач-терапевт участковый цехового врачебного участка» (код 20476). Тот факт, что все приведенные в примерах «особые» врачи по нормальной логике должны одновременно относиться и к более общей категории «врач» (которая, в этом случае, никак не может быть особой «должностью»), демонстрирует некую специфическую логику разработчиков данного классификатора, явно отличную от аристотелевской, но широко представленную во многих других подобных документах.

С другой стороны, согласно ОКПДТР, «авербандщик», «ангобировщик» или, например, «аппаратчик варки утфеля» – это именно профессии, а тот факт, что содержание этих «профессий» абсолютно неизвестно не только обывателю, но даже представителям других рабочих профессий, по-видимому, нисколько не смущал разработчиков этого классификатора ни в 1994 г., ни в 2017 г. (когда в него вносились очередные изменения). Однако такой подход в очередной раз противоречит пониманию профессии в обыденном сознании (из сферы которого, как отмечалось, заимствует понимание профессии сфера социальной практики), где понятие «профессия» применяется к занятиям, социально референтным, т.е. таким, суть которых понятна не только специалисту, но и обывателю.

Свой посильный, но при этом значительный вклад в недопонимание понятия «профессия» вносят государственные органы управления образованием, в документах которых можно также обнаружить множество соответствующих противоречий, но мы не станем на них останавливаться.

РАЗРЫВ ВТОРОГО ТИПА – «ЭЛИТАРНОСТЬ ПРОТИВ ЭГАЛИТАРНОСТИ»

Данный разрыв связан с принципиальными расхождениями в понимании профессии между всеми тремя рассматриваемыми сферами в

аспекте «элитарности – эгалитарности». Предварительно отметим, что в элитарном подходе к пониманию профессии можно выделить две его основные разновидности, сложившиеся исторически:

1) понимание профессий исключительно как «свободных профессий», т.е. профессий интеллектуальных и не связанных с обязательной включенностью в структуру каких-либо трудовых организаций (врач, адвокат, художник, ученый и т.п.) (см., например: Sharma, Goyal, p. 446; The Futures of..., 2015, p. 147);

2) понимание профессий исключительно как «статусных профессий», т.е. таких, которые требуют высокого уровня образования и/или пользуются уважением в обществе и/или обеспечивают достаточно высокий уровень жизни (например, принадлежность к «среднему классу») (см., например: Социологический словарь).

В современной сфере научного познания представлены оба этих подхода: как элитарный (см., например: Социологический словарь), так и эгалитарный (например, Климов, 1996).

Вместе с тем, в отличие от этого, элитарное понимание профессии никогда не было свойственно отечественному обыденному сознанию и естественному языку. Вот как выразил этот факт Е.А. Климов: «В нашей стране не было и, полагаем, нет нужды и впредь вводить расслоение в мир трудовых занятий, деля его на профессии и не профессии. Как мы могли заметить, это полезное неразличение зафиксировано у нас и в языковом сознании» (Климов, 1996, с. 142). При этом интересно отметить, что К. Маркс, некоторые идеи которого о сущности труда Е.А. Климов развивает применительно к пониманию профессии (см.: Толочек, 2018, с. 57-58), к данной конкретной ситуации отношения не имеет. Это можно с уверенностью утверждать, поскольку история русского слова «профессия» достаточно короткая и начинается только в XIX веке (см., например: Оганова, 2014). При этом анализ показывает, что в русском языке

зарубежные представления как о «свободных», так и о «статусных» профессиях выделялись в качестве специфических, но не распространялись на понимание профессии в целом ни в XIX веке, ни позже (см., например: Большой толково-фразеологический словарь; Епишкин, 2010; Скворцов, 2009, с. 684).

Другое дело (и здесь без воззрений К. Маркса уже явно не обошлось) – крайне специфичный подход к элитарности/эгалитарности профессий в отечественной социально-экономической практике (причем, не только советского периода, но и сегодняшней, «рыночной»): здесь реализуется совершенно иной подход – и не элитарный, и не эгалитарный (в их нормальном, общепринятом понимании), а скорее, некий ущербный, доведенный до абсурда своеобразный «образовательный антипод» элитарного подхода, согласно которому понятие профессии распространяется лишь на так называемые «рабочие профессии», а вот применительно к работе, требующей высшего образования, следует применять понятие «должность» (см., например: (Единый квалификационный справочник, 2018; Общероссийский классификатор профессий, 2017; Трудовой кодекс, 2018). Такой подход, во-первых, вносит дополнительный вклад в рассматриваемый «межсферный» разрыв понимания профессии, во-вторых, никак не может способствовать укреплению элитарного подхода к пониманию профессии в отечественном обыденном сознании (и естественном языке).

Вместе с тем, в современных условиях элитарное понимание профессий уже не доминирует и в иноязычном обыденном сознании. Например, в английском языке, согласно Кембриджскому словарю, профессия (profession) – это любой тип трудовой деятельности (type of work), который требует специальной подготовки или определенного навыка, «часто (а значит, не обязательно – С.Л., Н.Р.) тот, который уважают, потому что он включает в себя высокий уровень образования» (Cambridge Dictionary).

Аналогично, словарь Merriam-Webster включает в спектр значений понятия «профессия» и призвание (a calling), требующее специальных знаний и часто длительной и интенсивной академической подготовки, и просто основную занятость (employment) (см.: Merriam-Webster Dictionary).

В силу этого принудительно навязывать сегодня отечественному обыденному сознанию элитарное понимание профессий – это примерно то же самое, что убеждать обывателя в расширении российского среднего класса, в то время как во всем мире констатируется его сужение, характеризующее очередное «антропофобное обострение» современного капитализма (см. также «Миф о статусности профессий» в п. 4).

Таким образом, наша позиция состоит в признании целесообразным эгалитарного подхода к пониманию профессий, и в этом вопросе мы, очевидно, становимся оппонентами многих других исследователей. Поясним это на «тестовом примере» – работе «укладчицы зефира». В.А. Толочек и Н.С. Пряжников в конечном итоге приходят к выводу, что это – не профессия (Пряжников, 2018, с. 6; Толочек, 2018, с. 74), и формально мы с этим согласны – но вовсе не из-за низкой «статусности» или сложности данного вида труда, а из-за его излишней «классификационной» специализированности. Потому что, например, укладчик-упаковщик – это уже профессия, и именно к ней относится обсуждаемый труд укладчицы зефира. Хотя, очевидно, в общем случае труд укладчика-упаковщика обладает теми же недостатками: формально низкой статусностью, выполнением лишь небольшого числа относительно простых трудовых операций и т.д. Однако данный труд:

а) является весьма массовым и востребованным (см., например, в интернете поиск вакансий по данной профессии);

б) признан профессией в нормативных документах сферы социальной практики: в ОКПДР (код 19293), из ЕТКС мы можем узнать также, что собственно «укладчица зефира» (как специализированное выражение

профессии «укладчик-упаковщик») может иметь только 1-й или 2-й тарифный разряд (во втором случае в ее обязанности должна входить, например, «художественная завертка кондитерских изделий вручную одновременно в несколько бумажек», см.: (Там же), поскольку, скажем, для 4-го разряда требуется уже осуществлять, например, упаковку «монументальных, художественных, скульптурных произведений (сохранена пунктуация оригинала – С.Л., Н.Р.)» (Там же);

в) является референтным в обществе: например, в школьных пособиях по математике (причем, новейших – 2017-2018 гг.) приводятся задачи, в которых укладчица на кондитерской фабрике расфасовывает по коробкам именно зефир (см., например: Башмаков, Нефедова, 2018, с. 90).

Таким образом, здесь мы сталкиваемся с очередной ситуацией, когда реальная жизнь оказывается «сильнее» науки.

3. СУТЬ «НЕУЛОВИМОСТИ» ПОНЯТИЯ ПРОФЕССИИ И КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЮ

Главная причина отмеченной «неуловимости» понятия профессии состоит в следующем. Любая конкретная профессия – это реальность, но реальность весьма сложная, имеющая социальную (а не природную) основу и в силу этого, качественно гетерогенная, в частности, не только «объектная» (и в этом смысле структурная), но и «отношенческая» (и в этом смысле функциональная). Другими словами, любая профессия в целом – это не то, что можно «непосредственно наблюдать» или «потрогать руками», но нечто такое, что с объективной необходимостью проявляется во взаимодействиях некоторого множества других систем – как «нормальных», объектных, так и тоже, в свою очередь, функциональных. Более того, среди подобных систем значительная часть является носителем не только исходной объективной реальности, но и реальности субъективной. Различия между этими качественными типами реальности

(объектной и функциональной, объективной и субъективной) в той или иной форме фиксировали, например, П.К. Анохин в теории функциональных систем, Д.И. Дубровский в информационной теории сознания, Э.Шейн в концепции организационной культуры, А.Н. Леонтьев в психологической теории деятельности, С.Л. Рубинштейн в психологической теории сознания и субъектно-деятельностном подходе.

Вместе с тем, упомянутая качественная гетерогенность фиксируемой реальности делает задачу действительно общего, универсального понимания профессии чрезвычайно трудной: как писал А.С. Пушкин, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Тем не менее, сделать это, в отношении профессии, необходимо. В этом плане не может (точнее, не должно) быть никакого особого, собственного понимания в профессии, например, в психологии, экономике или социологии, если только оно в своей базовой основе не согласуется с аналогичным пониманием в других научных дисциплинах, равно как и в социальной практике, обыденном сознании и естественном языке.

С другой стороны, подобное общее определение профессии по необходимости будет лишь кратким, редуцированным, упускающим многие частные проявления данного феномена (в том числе, важные и интересные с точки зрения тех или иных научных дисциплин). С этим приходится смириться: как справедливо отмечал известный вымышленный писатель К. Прутков, «нельзя объять необъятное».

С учетом сказанного, для ликвидации критических противоречий (разрывов) в понимании профессии целесообразно, во-первых, выполнить обстоятельный методологический анализ соотношения понятия «профессия» с такими родственными понятиями, как занятие, деятельность, специальность, специализация, должность, трудовой пост, во-вторых, выделить объективные ключевые признаки профессии, без полного и согласованного учета которых ее понимание в разных сферах

останется «разрывным». Все эти вопросы заслуживают отдельного изучения. Поэтому здесь мы лишь с удовлетворением констатируем, что новые результаты в этом направлении уже представил, например, В.А. Толочек (Толочек, 2018), а также представим в очень кратком виде некоторые релевантные соображения.

В плане соотношения понятия профессии с родственными понятиями отметим следующее. Проявления профессии многообразны, но первое, основное среди них – деятельностное, связанное именно с выполнением (и освоением) определенной профессиональной деятельности. Как конкретная, единичная деятельность, выполняемая на определенной должности в конкретной организации, подобная деятельность соотносится с введенным Е.А. Климовым понятием «трудоустройство». Совокупность схожих конкретных профессиональных деятельностей образует вид профессиональной деятельности и соотносится с введенным Н.Е. Рубцовой понятием «обобщенный трудовой пост», которое примерно эквивалентно понятию «занятие» (в смысле «трудоустройство»), широко используемому как в классификации труда (например, в МСКЗ, ОКЗ), так и в определениях понятия «профессия» (см., например: Оганова, 2014; Семенов, 2003). При этом той или иной профессии в ее деятельностном модусе может соответствовать как один-единственный вид труда (или одно занятие), так и множество достаточно существенно различающихся видов труда (или занятий) (Рубцова, Ленков, 2015). Таким образом, понятия профессии и занятия, профессии и вида деятельности в общем случае не находятся в родовидовых отношениях: понятие профессии не обязательно шире, вместе с тем, оно по смыслу качественно иное, т.к. выражает не только деятельностный (или «занятийный»), но и иные модусы (профессиональное сообщество и др.). В этом плане следующая мысль В.А. Толочка в отношении изучения стиля деятельности может быть, по нашему мнению, в полной мере отнесена и к изучению профессии: «в

предмет исследования включаются не только субъект и отдельные виды его активности, но и множество условий среды, в том числе активность всех взаимодействующих людей...» (Толочек, 2015, с. 75).

Аналогичные, не родовидовые, а более сложные отношения связывают понятие профессии с понятиями должность, специальность и специализация. Каждое из них, на самом деле, многопланово: так, должность может иметь смысл, эквивалентный смыслу понятий «трудовой пост» (конкретная должность в организации) или «обобщенный трудовой пост» (например, должность служащего (Общероссийский классификатор..., 2017), но в более обобщенном виде может отражать и квалификацию (например, «главный специалист»), и уровень в иерархии управления (например, «начальник цеха»). Из этих трех смыслов должности с понятием профессии в ее деятельностном модусе соотносится только первый, а два других отражают, соответственно, развитие профессиональной компетентности и карьеры.

Специальность и специализацию также часто рассматривают как «уточнения» или составляющие профессии (Пряжников, 2018), однако это не совсем верно: у каждого из этих понятий есть, по крайней мере, два качественно различных смысла – деятельностный и образовательный. В первом из них, деятельностном, профессия действительно может включать (но может и не включать!) в себя различные специальности, объединяющие, в свою очередь специализации (например, профессия – врач, специальность – хирург, специализация – хирург-кардиолог). Однако во втором, образовательном смысле ситуация может быть обратной: одна и та же специальность (а в ее рамках – и специализация), осваиваемая в процессе профессионального обучения, может создавать необходимую основу для работы по множеству различных профессий (хотя, разумеется, при этом в чем-то и похожих – хотя бы в силу своей общей образовательной основы). Пример подобного рода: специальность «история» позволяет

работать по профессиям «научный сотрудник», «архивариус», «библиограф», «учитель средней школы», «преподаватель вуза» (Скворцов, 2009, с. 684).

Таким образом, отношения понятия профессии с родственными понятиями являются более сложными и чем отношения родовидовые, и чем отношения, укладывающиеся в триаду «единичное – особенное – общее», столь соблазнительную своей простотой и каноничностью. В силу этого обозначенный выше методологический анализ целесообразно продолжить в отдельных исследованиях.

Что касается ключевых признаков профессии, мы бы, в свою очередь, добавили к ним, например, следующие:

- референтность в обществе (в данном контексте – понятность обыденному сознанию): ну не должно быть в списке профессий «варки утфеля» до тех пор, пока каждый школьник – не двоечник не будет знать, что утфель – это продукт переработки сахарной свеклы!

- эгалитарность (и, соответственно, убрали бы из их списка те или иные атрибутивные проявления «статусности»).

Однако, повторимся, эта задача в полном объеме выходит за рамки данной публикации.

В таком же «поневоле редуцированном» ключе предложим следующий рабочий вариант общего, базового (и при этом относительно краткого) определения: профессия – это определенная часть социально-экономической жизнедеятельности социума, сформировавшаяся на основе общественного разделения труда и характеризующаяся: 1) специфической оплачиваемой трудовой деятельностью; 2) требованиями к ее субъекту (субъекту труда); 3) социальными структурами, институтами, организациями, обеспечивающими ее функционирование; 4) сложившимися связями с общей жизнедеятельностью социума.

Отметим, что в чем-то похожее (но не идентичное) определение предложили, например, А.И. Донцов и соавторы: «В наше время профессия (профессиональная деятельность) – это функционально конкретная и тем или иным образом зафиксированная область приложения сил людей, рассчитанная на создание чего-либо ценного для общества – материальных вещей, информационных продуктов, социальных благ, полезных обслуживающих действий, функциональных полезных эффектов, эстетических впечатлений, общественного настроения, упорядоченного протекания общественных процессов и пр. (Донцов и др., 2011, с. 71-72).

4. МИФОЛОГИЯ И РЕАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА ПРОФЕССИЙ

«Неуловимость» понятия профессии приводит к порождению многочисленных мифов относительно современного мира профессий. Ограничимся только тремя примерами, хорошо иллюстрирующими, на наш взгляд, всю серьезность, «небезобидность» подобных мифов.

1. Миф об «отмирании» профессий. Данный миф выражает представления как об «отмирании» собственно профессий, так и об «устарелости» самого понятия профессии. Например: «Профессии как таковые находятся в состоянии умирания (границы их «плывут», скорость обновления знаний и компетенций только растет). Уже сегодня надо начинать говорить не о профессиях, а о компетенциях, их комплексах и наборах» (О будущем коммуникаций...2017, с. 8). Можно только посочувствовать тем грядущим поколениям, которым, возможно (и история с «компетенциями» заставляет поверить в такую возможность), придется делать профессиональный выбор не в сфере реального профессионального труда, а в виртуальном мире «комплексов и наборов компетенций». На самом деле, ни общественное разделение труда, ни понятие профессии как

его фиксации никуда не исчезают. Другой вопрос состоит в бурной «внутренней жизни» мира профессий: здесь одни профессии, действительно, «отмирают», но зато постоянно появляются другие, новые; при этом содержание многих профессий часто трансформируется, иногда, весьма существенно. Однако, все это – еще не повод для объявления «конца света» в мире профессий.

2. Миф о «статусности» профессий. Согласно данному мифу, существует четкое разделение профессий на «статусные» и «нестатусные». Реальность же состоит в том, что многие (а среди массовых – пожалуй, все) профессии относятся к тому случаю, когда профессия сама по себе не несет в себе имманентно четко определенного социально-экономического статуса. Другими словами, одна и та же профессия в современных условиях может обеспечивать человеку как достаточно высокое положение, так и ставить его на грань бедности (нищеты, выживания). Убедиться в справедливости этого легко: достаточно в интернет-поиске вакансий сравнить зарплаты, предлагаемые работодателями по той или иной якобы «статусной» (или напротив, «нестатусной») профессии в разных регионах и организациях. Другой, не менее легкий способ – сравнить (по имеющимся в изобилии аналитическим материалам) уровни зарплат по подобным профессиям по регионам, городам, крупным корпорациям и т.д. Мы проделали такую работу, но не станем здесь приводить ее результаты, ограничившись объективным выводом, к которому неизбежно придет любой другой исследователь: зарплата по одной и той же профессии варьирует в очень широких пределах, при этом сплошь и рядом встречаются ситуации, когда зарплата по «низко статусной» профессии (например, пресловутой «укладчицы зефира», а точнее – укладчицы-упаковщицы) оказывается более высокой, чем по «высоко статусной» (например, учителя, врача, инженера, юриста).

Происходит это в силу «опосредующих звеньев» фактической реализации профессии, представленных регионом, сферой экономики, корпорацией, конкретной организацией (предприятием) и др. И в этом заключается одна из важных современных тенденций изменения мира профессий: социальный статус профессии становится «плавающим», размытым, варьируемым в широких пределах.

3. Миф о «востребованности» профессий. Данный миф во многом аналогичен предыдущему и предполагает, что существует четкое разделение профессий на «востребованные» и «невостребованные». Его культивированию способствуют регулярно появляющиеся «справочники наиболее востребованных профессий», равно как и аналогичные «мониторинги», организованные в последние годы Минобрнауки РФ. Проблема здесь состоит не в том, что разные профессии различаются по своей востребованности – это действительно так. Проблема состоит в достоверной, объективной интерпретации тех конкретных данных, на которых основываются подобные материалы. Здесь к упомянутым выше резким различиям между регионами добавляются точность идентификации профессии (например, под «профессией» «специалист в области информационных технологий», на самом деле, может подразумеваться очень широкий круг реальных профессий, существенно различающихся, в том числе, и по своей востребованности), а также методические ограничения проведенного анализа (например, нередко подобная востребованность определяется по данным только и исключительно государственных служб занятости, что далеко не полно отражает реальную ситуацию пресловутого «рынка труда»).

Помимо рассмотренных, существует и множество иных мифов о современных профессиях (например, миф об изученности современных профессий или миф о «людях-сканерах» (Малышева, 2017), однако и уже

приведенных примеров достаточно, чтобы понять: перспективы решения проблемы профессии состоят не в усилении мифотворчества, а в настойчивом, кропотливом изучении реального мира профессий и тенденций его развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие профессии выполняет важную роль в трех ключевых сферах жизнедеятельности человека и общества: 1) обыденного сознания (и естественного языка), 2) научного познания, 3) социальной практики. Вместе с тем, анализ фактической ситуации в этих областях позволяет констатировать наличие актуальной *проблемы разрывов* (специфицирующей, в свою очередь, общую проблему профессии), состоящей в наличии существенных, принципиальных противоречий между пониманиями профессии как внутри каждой из обозначенных сфер, так и между ними. Острота данной проблемы усугубляется тем фактом, что прежнего, традиционного понимания профессии в современных условиях все больше становится недостаточно (точнее, того уровня, на котором в течение многих лет осуществлялось, функционировало такое понимание, в том числе в таких, казалось бы, строгих по отношению к нему областях, как научное познание или официальное, государственное правовое и управленческое регулирование экономической деятельности в стране). В итоге сегодня вполне типичными стали многочисленные ситуации, когда, с точки зрения обыденного сознания, профессия – это одно, с позиций социальной практики – другое, а в научных исследованиях – третье. Все это приводит, в свою очередь, к уже не теоретическим, а сугубо практическим, прикладным последствиям, связанным с образованием, профориентацией, профессиональным самоопределением и т.д., а в конечном счете – с эффективной организацией сферы профессионального труда в целом, включающей показатели не только экономические (производительность

труда и т.п.), но и многие другие – в частности, психологические, проявляющиеся на уровнях как отдельного человека (индивидуально-психологические), так и разнородных и разномасштабных социальных групп (социально-психологические). Соответственно, для конструктивного решения указанной проблемы недостаточно предложить новую научную модель профессии – не менее важно согласовать, скоординировать понимание профессии в упомянутых сферах.

В качестве первого шага в решении данной проблемы сделаны некоторые конструктивные предложения по дифференциации понятия профессии с родственными понятиями, уточнению его базового определения и выделению ключевых признаков профессии, допускающих взаимно непротиворечивую интерпретацию в каждой из трех обозначенных сфер.

ЛИТЕРАТУРА

- Ангеловский А.А.* Анализ понятий профессия, профессиональное сознание, профессиональная деятельность, профессионализм // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 5-2. С. 306–315.
- Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005.
- Башмаков М.И., Нефедова М.Г.* Математика. 3 класс. Учебник. Ч. 2. М.: Дрофа, 2018.
- Большой толково-фразеологический словарь Михельсона (подготовлен на базе издания 1896-1912 гг.) [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/ (дата доступа: 03.07.2018).
- Волошина И.А., Новиков П.Н., Зуев В.М.* Понятие профессии в составе профессионально-трудовой и образовательной терминологии //

Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 10 (343). С. 85-97.

Донцов А.И., Донцов Д.А., Донцова М.В. Система понятий и общее содержание ориентации в мире профессий // Вестник практической психологии образования. 2011. № 4. С. 71–75.

Дружилов С.А. Прекариат и неформальная трудовая занятость в России: социально-психологические аспекты [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1. Ч. 2. URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/9491> (дата доступа: 30.07.2018).

Дружилов С.А. Профессиональные деформации и деструкции как следствие искажения психологических моделей профессии и деятельности // Журнал прикладной психологии. 2004. № 2. С. 56–62.

Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих (ред. от 09.04.2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://classinform.ru/eksd.html> (дата доступа: 03.07.2018).

Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92907/ (дата доступа: 03.07.2018).

Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка (2010) [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/index.htm> (дата доступа: 03.07.2018).

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Конституция Российской Федерации (последняя действующая редакция с комментариями) [Электронный ресурс]. URL: <http://constrf.ru/> (дата доступа: 31.07.2018).

Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Тенденции изменений профессионального развития и подходов к его психологическому изучению // Институт

психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 31–59.

Лукиша О.В. Социология профессиональных групп: Определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. С. 61–79.

Малышева Е. Люди-сканеры захватят мир: Рынок труда перестраивается под людей, владеющих множеством профессий (05.03.2017) [Электронный ресурс] / Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/03/03/10555049.shtml?updated#page5> (дата доступа: 30.07.2018).

Носкова О.Г. Психология труда: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стер. / Под ред. Е.А. Климова. М.: Академия, 2007.

О будущем коммуникаций. Доклад Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО) при поддержке Центра социального проектирования «Платформа» и Департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ (2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://2035.media/2018/04/04/communication-future/> (дата доступа: 03.07.2018).

Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ). Классификатор ОК 010-2014 (МСКЗ-08) с поправкой 1/2017 от октября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/ (дата доступа: 03.07.2018).

Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94 (утв. пост. Госстандарта РФ от 26.12.1994 N 367; дата введения 01.01.1996; редакция октябрь 2017, с учетом поправок 1/2017 ОКПДТР, 2/2017 ОКПДТР) [Электронный ресурс]. URL: <https://classinform.ru/okpdtr.html> (дата доступа: 03.07.2018).

Оганова А.А. Историко-этимологический анализ лексем-номинантов концептов «profesión» и «профессия» в испанском и русском языках // Вестник Брянского гос. ун-та. 2014. № 2. С. 374–377.

Постановление Правительства РФ от 28.04.2007 N 252 «Об утверждении перечня профессий и должностей творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, особенности трудовой деятельности которых установлены Трудовым кодексом Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/191058/> (дата доступа: 03.07.2018).

Пряжников Н.С. Проблема переосмысления понятия «профессия» в меняющихся социокультурных реалиях // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 1. С. 4–22.

Рубцова Н.Е., Леньков С.Л. Психолого-педагогические модели профессионального становления: кросс-культурный анализ // Человек и образование. 2015. № 1 (42). С. 123-128.

Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я [Электронный ресурс]. М.: Юнвес, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text15/001.htm> (дата доступа: 03.07.2018).

Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. М.: Оникс, 2009.

Социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://mostevent.ru/social.php> (дата доступа: 01.08.2018).

Толочек В.А. Психология труда: учеб. пособие. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2017.

- Толочек В.А.* Стили деятельности: Ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Толочек В.А.* Феномен «профессия»: составляющие и структуры // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 2. С. 54–78.
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 19.07.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата доступа: 03.07.2018).
- Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка (1-е изд. – 1935-1940) [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm> (дата доступа: 03.07.2018).
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка (в 4-х т.; 2-е изд., стереотип.; 1986-1987) [Электронный ресурс] / Пер. с нем. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата доступа: 03.07.2018).
- Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата доступа: 03.07.2018).
- Щепанская Т.Б.* Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб.: Наука, 2010.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (access date: 03.07.2018).
- Cownie F., Bradney A., & Burton M.* English Legal System in Context. 6th ed. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013.

International Standard Classification of Occupations 2008: Structure, group definitions and correspondence tables [Electronic resource] / ILO. Geneva: ILO, 2012. URL: <https://www.ilo.org/> (access date: 31.07.2018).

Matthews R.C.O. The Economics of Professional Ethics: should the professions to be more like business? // *The Economic Journal*. 1991. V. 101. p. 737–750.

Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (access date: 03.07.2018).

Picciotto R. The logic of evaluation professionalism // *Evaluation*. 2011. V. 17(2). P. 165–180.

Roddenberry E.W. Achieving Professionalism // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1953. V. 44(1). P. 109–115.

Sharma D.K., & Goyal R.C. Hospital administration and human resource management. 7th rev. ed. New Delhi, India: PHI Learning., 2017.

The Futures of Legal Education and the Legal Profession / H. Sommerlad, S. Harris-Short, S. Vaughan, R. Young (eds). Oxford, UK: Hart, 2015.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2018. Статья опубликована: 30.09.2018

THIS ELUSIVE CONCEPT OF THE PROFESSION

© 2018 Sergey L. Lenkov*, Nadezhda E. Rubtsova**

** Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Chief Researcher, Institute for the Study of Childhood, Family and Upbringing of the Russian Academy of Education, Moscow;
e-mail: new_psy@mapl.ru*

*** Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, Chief Specialist, Coordination of Scientific Research Department of the Russian Academy of Education, Moscow
E-mail: hope432810@yandex.ru.*

The article presents the analysis of the profession concept as a category of ordinary consciousness (fixed in natural language), scientific knowledge and socio-economic practice. The existing contradictions and gaps in the understanding of the profession are discussed. The methodological analysis of the profession concept was performed by elucidating its relationship with related concepts (occupation, specialty, position, etc.), the result of which was the clarification of the definition of the profession and its key features. A number of objective tendencies of change of approaches to understanding of a profession in modern conditions is revealed. The prospects of further appropriate scientific rethinking of the concept of profession are outlined.

Key words: profession, ordinary consciousness, natural language, scientific knowledge, socio-economic practice, professional activity, occupation, specialty, position, qualification, labor post.

Библиографическая ссылка на статью:

Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Это неуловимое понятие профессии // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 3. С. 9–38.

Адрес статьи:

<http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document378.pdf>